

А. Ю. Ватлин
**Второй
конгресс
Коминтерна:**
точка отсчета
истории
мирового
коммунизма

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6
В21

Ватлин А. Ю.

В21 Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма / А. Ю. Ватлин. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 173 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2299-6

Столетие с момента образования Коммунистического интернационала, задуманного как «всемирная партия пролетариата», вызвало всплеск интереса к его истории и главным действующим лицам, идейной базе и политической практике. Одним из белых пятен этой истории является определение начальной точки развития международного коммунистического движения. Учредительный конгресс, состоявшийся в марте 1919 г., ограничился принятием нескольких прокламаций к радикальным социалистам Европы. Подлинное основание Коминтерна состоялось год спустя на его Втором конгрессе (19 июля – 7 августа 1920 г.), на который в Москву съехались делегаты из нескольких десятков стран мира.

В ходе работы конгресса, которая стала предметом настоящего исследования, проявились различные точки зрения на методы борьбы и перспективы нового политического движения, претендовавшего на всемирный масштаб. Споры велись о том, возьмет ли оно за образец стратегию и тактику российского большевизма, увенчавшуюся успехом в октябре 1917 г., или будет следовать канонам и традициям рабочего движения западноевропейских стран. Решения, принятые Вторым конгрессом, на несколько десятилетий предопределили исторический путь коммунистических партий, которые оставались важным фактором политической борьбы в странах Европы и Азии и после роспуска Коминтерна в 1943 г.

Издание иллюстрировано фотографиями из архива Коминтерна, большинство из которых публикуется впервые, а также портретами участников конгресса, сделанными известным советским художником И. И. Бродским.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2299-6

© Ватлин А. Ю., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Вводные замечания	5
Предыстория	15
Причины созыва и повестка дня конгресса	23
Споры о попутчиках	33
Кто они, основатели Коминтерна?	43
Торжественная увертюра – заседание в Петрограде	58
Начало работы в Москве	69
Лидеры РКП(б) на конгрессе	87
«Двадцать одно условие»	99
Завершение работы конгресса	106
Делегаты вне стен Кремля	121
Эхо конгресса	139
Итоги и выводы	152
Приложение	160
Указатель имен	170

ПРЕДЫСТОРИЯ

История Третьего, Коммунистического Интернационала началась вместе с первыми выстрелами Первой мировой войны. Международное рабочее движение, гордившееся своим организационным и идейным единством, раскололось на отдельные партии, поддерживавшие военный курс собственных правительств. Наряду с размежеванием по национальному признаку в социал-демократических партиях началось и внутреннее брожение. В них стало формироваться левое крыло, называвшее себя интернационалистским. Его представителей объединял лозунг «долой войну», хотя отдельные течения вкладывали в него разное содержание, от пацифизма до «превращения империалистической войны в гражданскую» (В.И. Ленин). Весной 1917 г. дело дошло до раскола в крупнейшей и самой влиятельной из партий Второго Интернационала – СДПГ, наряду с ней в Германии появилась и Независимая социал-демократическая партия (НСДПГ), требовавшая покончить с соглашательством и вернуться к революционному марксизму.

Решающим фактором, превратившим идею нового Интернационала в реальность, стала революция в России и приход к власти в ноябре 1917 г. леворадикальной фракции российских социал-демократов, к тому моменту уже оформившихся в самостоятельную партию большевиков. «Всемирный масштаб», предложенный Лениным и истолкованный социальными низами в традиционном для России мессианском духе, встретил холодный прием у зарубежных социалистов. В адрес Ленина и его единомышленников последовали обвинения в бланкизме, в неверном истолковании термина «диктатура пролетариата», и даже в возврате Советской России к новому крепостничеству¹. В последующих дискуссиях речь шла не только и не столько о чистоте марксистской доктрины, сколько о том, что подражание «русскому

¹ Книга Карла Каутского «Диктатура пролетариата», появившаяся в 1918 году и вскоре переведенная «белыми» на русский язык, вызвала гневную отповедь Ленина (см. его брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский»), во многом предвосхитив линии идейного размежевания между социал-демократами и коммунистами.

В.И. Ленин

примеру» грозило увековечить раскол Второго Интернационала, создав на его обломках несколько враждебных друг другу политических организаций.

Катализатором кристаллизации «мирового большевизма» (В.И. Ленин) стал процесс возвращения социалистического рабочего движения в нормальное русло после окончания Первой мировой войны. В декабре 1918 г. лидеры английских лейбористов выступили с предложением провести международную социалистическую конференцию, на которое позитивно откликнулись их еще недавно непримиримые враги – немецкие социал-демократы. Такая конференция состоялась в Берне в феврале 1919 г., в центре ее внимания оказалась проблема отношения европейского рабочего движения к Советской России¹.

Среди лидеров большевистской партии, уверенных в близости мировой пролетарской революции и, более того, поставивших ради достижения своих целей на дыбы всю Россию, первые сообщения о попытках «гальванизировать труп Второго Интернационала» вызвали настоящий шок. Воззвание ЦК РКП(б), появившееся 24 декабря 1918 г. в ответ на призыв лейбористов, было не просто отказом от какого-либо взаимодействия с «социал-предателями». Большевики провозгласили непримиримую борьбу с правым крылом рабочего движения Европы, которая имела шансы на успех только при создании собственной организации: «...коммунисты всех стран усматривают в своем тесном сплочении на почве мировых революционных задач необходимое условие успешного развития революции, наиболее опасным врагом которой является в настоящее время желтый Интернационал»².

На рубеже 1919 г. оба течения начали гонку с временем, причем у российских большевиков по сравнению с крупнейшими социалистическими партиями Западной Европы были минимальные шансы на успех. Страна находилась в состоянии гражданской войны и экономической блокады со стороны внешнего мира. Немногочисленные группы и движения, ориентировавшиеся на повторение «русского примера», переживали этап организационного становления и не имели прямых связей с Москвой.

Несмотря на явную спешку и почти полное отсутствие делегатов из-за рубежа, Учредительный конгресс Коминтерна состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г. Хотя резолюции, принятые конгрессом, носили декларативный характер и были скорее агитационными, не-

¹ Brauntal J. Geschichte der Internationale. Bd. 2. Berlin – Bonn, 1974. S. 168.

² Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933. С. 253.

жели теоретическими документами, большевики могли быть довольны главным итогом своих усилий: из Кремля прозвучал призыв о создании всемирной партии пролетарской революции. «Мы были в сущности только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призывы к борьбе, мы только спрашивали, где люди, которые способны пойти по этому пути», – признавал позже сам Ленин¹.

В то время ни для кого не было секретом, кто был творцом международной организации коммунистов. Напротив, о «русском характере» Коминтерна в первые годы его существования с гордостью говорили и сами большевики: «Третий Интернационал – детище Российской Коммунистической партии. Он создан здесь в Кремле по инициативе РКП», и в ее руках находятся все рычаги продвижения идеи и практики мирового коммунизма². Первый секретарь Коминтерна Анжелика Балабанова впоследствии сокрушалась, что слишком поздно поняла очевидное: заседания в Коминтерне являют собой «всего лишь формальность, а настоящая власть находится в руках тайного комитета (большевицкой. – А.В.) партии»³.

Руководящий центр Коммунистического Интернационала был создан в Москве еще до возникновения самих компартий в большинстве стран Европы. Однако вызов старому миру был брошен крайне вовремя. На весну 1919 г. пришелся пик революционного кризиса, порожденного Первой мировой войной. Падение монархий Габсбургов и Гогенцоллернов привело не только к установлению демократических режимов в Центральной Европе, левые силы в этих странах предприняли попытки пойти по социалистическому пути. Советские республики в Баварии и Венгрии, массовые выступления трудящихся в более благополучных странах Антанты, подъем антиколониального движения – все это стало реакцией не только на кошмары военных лет, но и на импульс социального обновления, заданный Российской революцией.

Хотя после подписания Версальского мирного договора революционный подъем пошел на спад, в Москве не теряли уверенности в том, что следующий конгресс Коммунистического Интернационала состоится уже в столице Всемирного союза советских республик. Эту роль обычно отводили Берлину, но также и Парижу, где в 1871 г.,

¹ Об этом Ленин говорил в своей речи на открытии Второго конгресса Коминтерна (Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее – ПСС), Т. 41. М., 1970. С. 235).

² Выступление Карла Радека на Девятом съезде РКП(б) в апреле 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 287).

³ Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки 1897–1938. М., 2007. С. 233.

Анжелика Балабанова

согласно марксистской трактовке событий, была предпринята первая попытка установить диктатуру пролетариата¹. Советская пресса неоднократно называла Исполком Коминтерна предтечей «мирового Совнаркома», т. е. правительства победившей пролетарской революции².

Установка на то, что в скором времени начнется очередной подъем революционной волны на Западе, который завершится «решающим штурмом твердынь мирового капитализма» являлась центральным моментом пропагандистской мобилизации в лагере «красных». Это происходило как в тылу, так и на фронте, касалось и рядовых партийцев, и высших функционеров РКП(б)³. Ленин постоянно использовал данный аргумент для подстегивания своих соратников. Так, 17 марта 1920 г. он сообщал члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта И.В. Сталину, что в Берлине идут баррикадные бои, «спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам»⁴.

В первые месяцы существования Коминтерна лидеры РКП(б) были заняты гражданской войной и внутривнутриполитическими проблемами, мировые проблемы отошли на задний план. Аппарат ИККИ расположился в пышном особняке сахарозаводчика Берга в Денежном переулке, который до того был реквизирован германским советом в Москве. Зиновьев большую часть времени находился в Петрограде, что порождало бюрократические проволочки при проведении совещаний и подготовке директивных документов. Для оперативного руководства Коминтерном 18 июля 1919 г. по аналогии с Политбюро ЦК РКП(б) было создано Малое бюро Исполкома, но и это не принесло серьезных изменений к лучшему.

Задачи по установлению связей с зарубежными соратниками возлагались на партийных функционеров второго эшелона⁵. Были

¹ В своей речи на Девятом съезде РКП(б) среди возможных мест пребывания всемирного коммунистического правительства Карл Радек назвал даже Брюссель (РГАСПИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 305).

² Коммунистический труд. Орган МК РКП(б) и Московского исполкома. 17 июня, 2 июля 1920 г.

³ См. подробнее: Альберт Г. «Мировая революция – прелестная вещь». Интернационализм большевистских активистов первых лет советской власти / Конструирова «советское»? Доклады научной конференции студентов и аспирантов. М., 2012. С. 17–35.

⁴ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1898–1922. М., 1999. С. 331.

⁵ См.: Пантелеев М. Агенты Коминтерна: солдаты мировой революции. М., 2005.

созданы, но фактически бездействовали Южное отделение ИККИ в Киеве, заграничные бюро в скандинавских странах, Амстердаме, Вене и Берлине¹. Все кадровые решения по Коминтерну принимались Политбюро и Секретариатом ЦК РКП(б), через руководящие органы большевистской партии шло финансирование отдельных компартий, Наркомат иностранных дел отвечал за доставку пропагандистских материалов и отправку эмиссаров Коминтерна из Советской России в зарубежные страны.

Важное значение для налаживания каждодневной работы в Коммунистическом Интернационале имело возвращение в Россию Карла Радека. Показательно, что он был введен в состав Исполкома 8 апреля – в один день с принятием решения о созыве Второго конгресса². Затишье в стенах особняка Берга сменилось лихорадочной активностью. Было налажено делопроизводство, «дорогостоящие организации с многочисленным персоналом возникали за одну ночь. Интернационал стал бюрократическим аппаратом еще до того, как родилось настоящее коммунистическое движение»³.

Ни для кого из иностранных сторонников большевизма не являлось секретом, что «правила игры задавали русские; это происходило само собой, настолько их превосходство было очевидным»⁴. Инициаторы создания компартий за рубежом изначально соглашались с решением Учредительного конгресса, что до формирования международного руководства «товарищи той страны, где находится Исполнительный комитет, берут на себя бремя работы»⁵. Среди них доминировала слепая уверенность, что большевики, творцы первой в мире успешной диктатуры пролетариата, не могут ошибаться и без их поддержки продвижение вперед мировой революции займет годы, если не десятилетия.

В то же время зарубежные сторонники «русского примера» питали искренние надежды на то, что рост коммунистического движения вширь не только ослабит контроль представителей РКП(б) над отдельными компартиями, но и приведет к модернизации их идейной базы с учетом опыта и особенностей политической борьбы в той или

¹ Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 10–13.

² 24 апреля Радек был утвержден членом Малого бюро ИККИ (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы (далее – Политбюро). М., 2004. С. 40).

³ Балабанова А. Указ. соч. С. 234.

⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 132.

⁵ Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. С. 219.

иной стране. Эту позицию артикулировал Радек, чувствующий себя еще наполовину иностранцем: «В Европе русских считают большими радикалами, что конечно не так, потому что жизнь и нас учит быть оппортунистами»¹. Действительно, в тот момент еще далеко не все было предрешено, Коминтерн, как и сам большевистский режим, находился перед важной исторической развилкой². Многие иностранные наблюдатели ожидали, что на предстоящем конгрессе (в России его называли съездом) Коммунистический Интернационал заявит о себе как о самостоятельном политическом субъекте, избавившись от «русской скорлупы».

¹ РГАСПИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 300, 302.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 66–82.

ПРИЧИНЫ СОЗЫВА И ПОВЕСТКА ДНЯ КОНГРЕССА

Решение Пленума ЦК РКП(б) о созыве Второго конгресса Коминтерна было принято по инициативе Ленина 8 апреля 1920 г., он сам написал проект соответствующего постановления¹. Вопрос, почему это решение было принято именно тогда, не имеет однозначного ответа. О будущем конгрессе сторонников большевизма, хотя и довольно абстрактно, писала советская пресса. В марте в письмах Ленину вопрос о необходимости скорейшего созыва международной «конференции левых» поднимал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин².

На начало апреля пришлось несколько значимых событий, иерархию которых выстроить достаточно сложно. 5 апреля 1920 г. закончил свою работу Девятый съезд РКП(б), на котором впервые стоял вопрос о Коминтерне. Его руководитель по болезни отсутствовал на съезде, но выступления его соратников по Политбюро с лихвой компенсировали зиновьевскую патетику. Открывая съезд, Ленин назвал неудавшийся военный переворот в Берлине «немецкой корниловщиной», которая подтверждает, что «пролетарская советская власть в Германии растет неуклонно» «и недалеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким советским правительством»³.

Доклад о Коминтерне, с которым выступил Карл Радек, был выдержан в чрезвычайно эмоциональном тоне и не мог не привлечь к себе внимания. Он утверждал, что мировое развитие после окончания войны находится под влиянием двух доминирующих фигур – Ленина и президента США Вильсона. Выше уже говорилось о том, что издатели материалов съезда не только «причесали» русский язык Радека, но и сгладили содержательные акценты его речи. Согласно

¹ Политбюро. С. 40–41.

² Чичерин предлагал воспользоваться переговорами о посещении России комиссией Лиги наций для того, чтобы выторговать у западных стран согласие на беспрепятственный проезд в Москву иностранных коммунистов (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 52. Д. 55245. Л. 1, 3).

³ Девятый съезд РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Протокол. М., 1934. С. 5.

архивной стенограмме, он требовал приспособления коминтерновской тактики к реалиям европейской политики, особенно не заботясь о выборе выражений: «Когда товарищи из Москвы посылали товарища в Европу от имени Исполкома и говорили, делайте все по-русски, это было связано с полным непониманием положения на Западе»¹.

Доклад Радека был принят к сведению без обсуждения – делегатов партийного съезда гораздо больше занимали внутривнутриполитические события. К весне 1920 г. стало очевидно, что политика «военного коммунизма» буксует, и Советская Россия никак не превращается в светоч истины и путеводную звезду. Ленин не присутствовал на этом заседании съезда, однако можно не сомневаться, что до него дошел радековский «крик души», и он отреагировал на него в ходе послесъездовского пленума ЦК РКП(б).

Несмотря на крайнюю загруженность государственными делами, председатель СНК постоянно интересовался коминтерновской проблематикой. 3 апреля он ознакомился с документами учредительного съезда Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ), который открылся в тот же день в Берлине. Раскол КРПГ произошел еще осенью 1919 г., но только после капшовского путча «левая» фракция заявила о создании собственной партии, разделявшей синдикалистские взгляды и с опаской относившейся к большевистской модели жестко централизованной партии. При чтении тезисов КРПГ о революционной работе на производстве Ленин сделал пометки «неверно», «не точно»², однако обошелся без разгромных эпитетов, которые он нередко использовал в отношении умеренных социалистов.

Раскол в германской компартии Ленин считал серьезной угрозой, которая могла нанести вред Коминтерну в целом. Попытка примирить фракцию большинства в КРПГ и лидеров КРПГ в Амстердаме провалилась³. Выбор между строптивыми «левыми» и послушными «умеренными» в только что возникших компартиях оказался выбором между Сциллой и Харибдой, и вождь РКП(б) был готов бросить на чашу весов весь свой авторитет для того, чтобы привести и тех, и других к общему знаменателю. Лучшей площадкой для этого, чем форум Коминтерна, трудно было придумать.

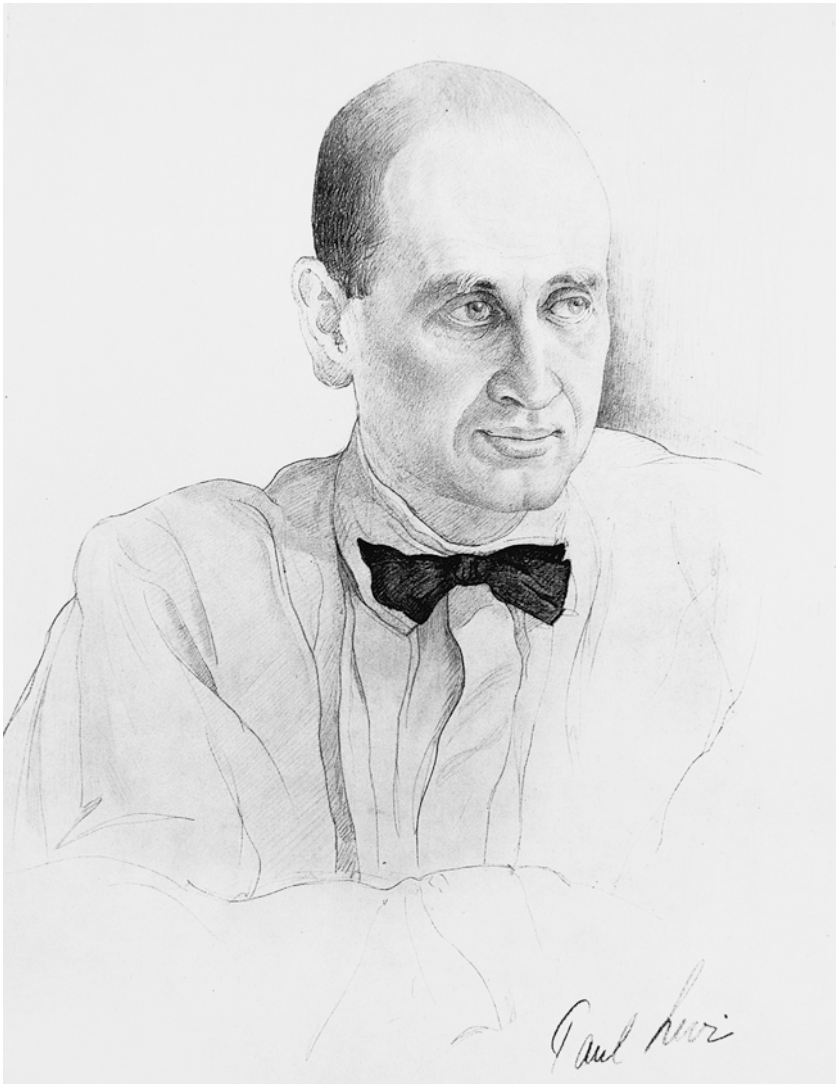
Решение пригласить делегацию КРПГ на Второй конгресс было принято в Политбюро 28 апреля 1920 г.⁴, хотя в руководстве РКП(б) спорили по этому вопросу целых два месяца. Оппонентом Ленина

¹ РГАСПИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. С. 300.

² Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 8. М., 1977. С. 441–442.

³ Второй конгресс Коминтерна. С. 74–77. О подготовке Амстердамской конференции см. заседание ИККИ от 28 сентября 1919 г. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1).

⁴ Политбюро. С. 41.

Пауль Леви

(и неизменно принимавшего сторону вождя Зиновьева) выступал Радек, не понаслышке знакомый с положением дел в Германии. Он считал, что фракция большинства в КПП, во главе которой стоял соратник Розы Люксембург Пауль Леви, должна получить всемерную поддержку Москвы, а «левых» нужно осудить как раскольников.

Мы можем предположить, что, одержав победу в данном вопросе, Ленин отдал должное аргументам своего главного оппонента. Сразу же после Девятого съезда РКП(б), отложив все дела, он сел за написание одной из самых известных своих работ – «Детской болезни “левизны” в коммунизме». Будущий конгресс Коминтерна должен был стать не только инструментом сплочивания разношерстных коммунистических групп, но и местом масштабной презентации ленинской книги.

Нельзя исключать также, что решение о его скорейшем созыве стало реакцией на события, происходившие на противоположном, правом фланге рабочего движения Европы. Назначенный на февраль 1920 г. созыв первого послевоенного конгресса Второго Интернационала был отложен после того, как от участия в нем отказались партии, руководство в которых захватили левые социалисты¹. Повторялась история годичной давности, когда слухи о «гальванизации трупа» социал-демократического движения заставили Ленина в ускоренном темпе провести Учредительный конгресс Коминтерна. Впрочем, весной 1920 г. большевики уже не чувствовали себя изолированной группкой пропагандистов, волею случая оказавшейся у власти. Утвердив диктатуру своей партии в ходе двухлетней гражданской войны в России, они готовы были на равных побороться с «социал-предателями» за влияние в мировом масштабе.

Хотя у Коминтерна еще не было своего устава, где была бы определена периодичность созыва конгрессов, Ленин настаивал, что любые повороты его политики должны максимально широко обсуждаться (в годы, когда он твердо держал в своих руках бразды правления, конгрессы созывались ежегодно). Созданный в Москве «интернационал действия» противопоставлялся инертности и кастовой замкнутости Второго Интернационала, который за четверть века своего существования провел только девять конгрессов.

В 1920 г. главной проблемой с точки зрения Ленина являлся быстрый рост коммунистического движения вширь, стихийное образование леворадикальных групп и партий в разных странах мира,

¹ Первоначально конгресс в Женеве должен был состояться в феврале 1920 г., однако из-за угрозы раскола его открытие перенесли на июль того же года. Тем не менее влиятельные социалистические партии из Германии, Швейцарии, Италии и Франции не приняли участия в конгрессе (Braunthal J. Geschichte der Internationale. S. 177).

называвших себя коммунистическими, но имевших слабое представление и друг о друге, и о доктрине «мирового большевизма». Второй конгресс Коминтерна должен был ввести этот процесс в общее русло, унифицировать идейную платформу движения, усилить центристские тенденции в отдельных странах.

Резолюцию Пленума ЦК РКП(б) о его созыве 22 апреля продублировал Исполком, тогда же он определился и с датой открытия (15 июля), и с повесткой дня конгресса¹. Его подготовку было решено держать в тайне до соответствующего решения руководства РКП(б), хотя эмиссары Коминтерна в европейских странах получили по конспиративным каналам соответствующую информацию². Компартии должны были прислать в Россию как можно более представительные делегации, а одного из членов каждой из них оставить потом для работы в ИККИ. Сочувствующие коммунизму группы и движения, стоявшие в оппозиции к существующим в той или иной стране компартиям, приглашались на конгресс с совещательным голосом. Социалистические партии, вышедшие из Второго Интернационала, должны были прибыть на особое совещание в Москву к 1 июля 1920 г. От исхода этого совещания зависело их приглашение на конгресс.

1 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило опубликовать решение о созыве Второго конгресса³. Уже на следующий день было подготовлено соответствующее информационное письмо за подписями Зиновьева и Радека, разосланное открытым текстом по радио и опубликованное в журнале «Коммунистический Интернационал»⁴. Номер журнала, подписанный в печать 14 июня, содержал в себе комплект подготовительных материалов к конгрессу, уже просмотренных и одобренных членами Политбюро российской партии.

В отличие от Учредительного конгресса, созыв которого держался в тайне, так как мог помешать приезду иностранных делегатов в Россию, приглашение на Второй конгресс зарубежные сторонники Коминтерна получили гласно. С одной стороны, рассчитывать на сохранение тайны при наличии десятков коммунистических партий было бессмысленно, с другой – ставка делалась на то, что «откры-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

² В письме Зиновьева о созыве конгресса, датированном 20 мая, есть пометка: «не разглашать, пока ИККИ не опубликует сам» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 24. Л. 34–35). В целях конспирации на отдельных машинописных копиях решения о созыве конгресса датой его созыва называлось 25 августа 1920 г., а местом проведения – Амстердам (Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 57).

³ Политбюро. С. 43.

⁴ Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1701–1703. Телеграмму с проектом письма см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 24. Л. 36–40.

тое назначение съезда вызовет огромный прилив и сильнее свяжет нас с рабочим движением всего мира»¹. И, наконец, шаги оппонентов по скорейшему возрождению Второго Интернационала требовали немедленной и открытой реакции. «Конгрессу мертвых душ» (К. Радек), созываемому в Женеве социал-демократами, следовало как можно скорее противопоставить его новорожденного соперника.

Первый вариант повестки дня Второго конгресса был предложен в решении ИККИ от 22 апреля. Он предусматривал подачу отдельными партиями письменных отчетов о своей работе. Это отличало его от Учредительного конгресса, который первые два дня своей работы заслушивал доклады о состоянии дел в той или иной стране. Письменные доклады партий Второму конгрессу были изданы отдельной книгой², но отчета о деятельности РКП(б) среди них не было. Уже в ходе самого конгресса делегаты просили и даже требовали подробной информации о положении дел в Советской России³, тем более что с обобщающим докладом на эту тему должен был выступить кто-то из лидеров большевистской партии.

С перспективы последующей эволюции отношений между РКП(б) и Коминтерном это выглядело как демонстрация особого положения первой, однако в 1920 г. на это вряд ли обратили внимание. И атмосфера, в которой проходил конгресс, и содержание большинства выступлений свидетельствовали о том, что его делегаты действительно обсуждали политику «мирового масштаба». Следует отметить, что в следующем году на Третьем конгрессе Коминтерна отчет о положении в России и деятельности РКП(б) вновь вернулся в повестку дня. Вначале его подготовку поручили Радеку и Молотову, затем – ввиду его важности – (нужно было объяснить иностранным делегатам поворот к нэпу) за дело взялся сам Ленин⁴.

«Русский вопрос» не был единственным, который напрашивался в повестку дня. В ней не было ни обсуждения опыта Баварской и Венгерской советских республик, ни организации движения солидарности с Советской Россией, которое как раз летом 1920 г. достигло своего пика – рабочие-транспортники Германии, Франции и Великобритании саботировали поставки вооружений Польше.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 86.

² Доклады II конгрессу коммунистического Интернационала. Петроград. 1920.

³ См., например, дискуссию вокруг запроса австрийского делегата Карла Штейнгарда о состоянии профсоюзного движения в Советской России (Протокол. С. 234–235).

⁴ Политбюро. С. 73–74. Зиновьев уже 16 марта 1921 г. огласил повестку дня предстоящего конгресса (Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 514).